

О русском цирке

Артисты советского цирка блистательно выступали в странах Европы и Азии, на международных конкурсах они завоевали много золотых и серебряных медалей. Высокий уровень советского цирка признается большинством зарубежных критиков.

В чем же сила советского циркового искусства? Ведь и за рубежом имеется немало выдающихся цирковых артистов.

Думается нам, дело в том, что советский цирк показал не только прекрасную технику, но и высокий артистизм, режиссерскую культуру, вкус, а главное — замечательную изобретательность в обогащении национальных цирковых традиций. Умелое использование национальных цирковых традиций народов, населяющих Советскую страну, придавало выступлениям советского цирка необычайное своеобразие, красочность.

Но может ли быть вообще национальный цирк и, в частности, цирк русский?

Разве не одинаковы во всем мире гимнасты, перелетающие с трапеции на трапецию, или акробаты, исполняющие сальто-мортале? Разве не у всех дрессировщиков лошади вальсируют и становятся на колени, а злобно рычащие львы прыгают через кольцо? Да, конечно, есть немало номеров, потерявших национальную специфику. Но цирк — искусство древнее, оно родилось и формировалось на ярмарочной площадке, на народном гулянье, в народном балагане. И при своем рождении, и на своем дальнейшем пути цирк активно использовал принципы народного искусства, спорта, народных обычаев.

В этой связи хочется остановиться на традициях русского национального цирка, на необходимости их искать, поддерживать и развивать. Характерно, что в самые трудные предреволюционные годы, когда буржуазная публика во всем отдавала предпочтение иностранцам и когда в угоду им имена наших цирковых артистов на афишах переименовывались цирковыми директорами в Дживанини, Пьеров и Вильямсов, лучшие русские артисты отстаивали свои имена. С гордостью они отстаивали свое право называться: «русский жонглер Николай Никитин», «русский наездник Николай Сычев», «русский клоун Сергей Альперов», «русский акробат Иосиф Сосин».

Был у русского цирка особый предмет гордости — это клоуны, и прежде всего Анатолий и Владимир Дуровы и Виталий Лазаренко.

Дуровы, как известно, выступали с дрессированными животными, Лазаренко был клоуном-прыгуном. Но главным в их репертуаре были колючие, злободневные шутки, направленные против тех, кто угнетал народ, кто мешал ему быть свободным и счастливым. Дуровы и Лазаренко начали свою работу в балаганах, они прошли тяжелый путь ярмарочных артистов, испытали, что значит холод и голод, издевательства богатых. Но, служа народу, они видели его неиссякаемый оптимизм, веру в будущее, его готовность бороться за это будущее.

Еще юношами, стоя на балконе балагана рядом с дедом-раешником, этим прямым потомком русского скомороха, эти артисты слышали, как смело нападал дед-раешник на полицию, на господ помещиков и капиталистов и как горячо простонародье поддерживало деда в его насмешках. И артисты учились у балаганных дедов смею бороться со злом. А потом, выйдя на арены цирков, артисты

развили эту традицию русских скоморохов и балаганных дедов, по-цирково преломили ее, вводя в свои выступления показ дрессированных животных и акробатику.

Разве традиции Дуровых, Лазаренко, Альперовых не подлинно русские цирковые традиции? Разве их не следует развивать? И они развиваются в наших цирках, в первую очередь внуками Дуровых — Владимиром Григорьевичем и Юрием Владимировичем. Но мне кажется, что эти традиции развиваются все-таки недостаточно. В частности, оба современных Дурова, увлекшись дрессировкой животных и достигнув в этой области отличных результатов, меньше внимания уделяют сатирической направленности своих номеров. И это обидно. Сатиричности не хватает и другим клоунам. Это является главной бедой наших клоунов, отходом их от наиболее важной русской цирковой традиции.

Но в клоунаде русская традиция не ограничивается только дуровскими принципами. За границей клоуны почти всегда создают абстрактные маски, что приводит к диким гримам и костюмам, к тому, что клоуны десятилетиями чаще всего продолжают разыгрывать традиционные сценки, лишенные всякого бытового правдоподобия. Наши клоуны стремятся активно вмешиваться в быт, в жизнь — отсюда их поиски новых образов, стоящих ближе к правде жизни. Это касается Карандаша (М. Румянцев), Олега Попова, Константина Бермана, Бориса Вяткина, Дмитрия Середы и других артистов. На аренах цирков появился положительный образ клоуна — веселого, ловкого молодого человека, которому сочувствуют зрители. Клоуна не столько смешного, сколько осмеивающего пороки недостойных людей и явлений.

Но дело не ограничивается только клоунадой. Известно, что еще недавно в цирковых представлениях большое место занимали пантомимы или точнее цирковые пьесы. Сейчас этот жанр почти исчез с арены. Об этом можно только пожалеть, так как пантомима дает возможность для создания яркого и увлекательного сюжетного зрелища. И в области пантомимы русский цирк также имеет свою добрую традицию. Эта традиция, с одной стороны, сводится к тому, что авторы пантомимы при создании либретто используют произведения русских классиков. Так, в цирках шли: «Тарас Бульба», «Ночь перед Рождеством», «Конек-горбунок». С другой стороны, авторы либретто охотно писали свои произведения, используя героические страницы революционной борьбы русского народа. Так родились: «Москва горит» («1905 год») В. Маяковского, «Тайга горит» Е. Кузнецова и Б. Бродянского, «Трое наших» А. Афиногенова, М. Бурского и другие.

В современном буржуазном цирке пантомимы — редкие гости, и если они и идут, то поражают пустотой своего содержания. Поэтому, ставя такие пантомимы, режиссеры больше всего заботятся о создании невероятных, ошеломляющих трюков.

Совсем другое дело в советских цирках. Работающие здесь режиссеры тоже заботятся о постановочной стороне пантомим, изобретают. Но все это подчиняется главному стремлению — с наибольшей силой раскрыть идею и содержание произведения. Постановочная традиция русского советского цирка именно в том и заключается, чтобы наиболее убедительно, ярко

и эффектно донести до зрителей содержание.

Ну, а в области акробатики, гимнастики, жонглирования, дрессировки может ли быть в цирке русская традиция? Мне кажется, что да. Эта традиция сказывается в задоре, оптимизме и темпераменте, с какими подаются номера, т. е. в качествах, свойственных нашей молодежи, утверждающей ловкость, силу и красоту человека. Советский цирк давно отказался от демонстрации различного уродства, отказался от нарочитого подчеркивания опасности. Впрочем, эти качества присущи вообще не только русскому, но и советскому цирку в целом.

А вот примеры традиций именно русского цирка. Труппа акробатов Беляковых в качестве своеобразного трамплина использует доску качелей, подвешенную к перекладине, ту самую доску, какую и сейчас нередко можно встретить в русской деревне. Другая труппа акробатов — Павловы включают в свой номер упражнения на гигантских шагах. Атлет Николай Жеребцов исполняет многие трюки старинных русских силачей, разыгрывая сцену, изображающую русского богатыря, выступающего на народном гулянье. А разве не используют русские спортивные традиции донские и кубанские казаки, выступающие под руководством М. Туганова?

А в области дрессировки животных? Известно, что с XI века и по Руси, и по городам Западной Европы бродили русские поводыри с медведями. Когда советский дрессировщик В. Филатов поражал своим «медвежьим цирком» зрителей Парижа, Лондона, Брюсселя, Варшавы и других городов, то его там рассматривали именно как русского дрессировщика, развивающего традиции своих далеких предков-поводырей. Но ведь в наших лесах водятся не только медведи. Интересен и своеобразен номер И. Боргунова, демонстрирующего дрессированных белок, лис и лосей. Помнится, несколько лет тому назад в цирках выступал укротитель Кротон (Рукавишников) с большой группой волков. Это было на редкость любопытное зрелище.

Здесь приведено только несколько примеров подлинно русских цирковых номеров. При желании количество таких примеров нетрудно увеличить. И все же надо признать, что русских национальных номеров мало. Главному управлению цирков серьезно стоило бы подумать о том, чтобы их стало гораздо больше. Для этого необходимо внимательно следить за художественной самодельностью, знакомиться с национальными видами спорта и играми, с обычаями народа, с народным искусством, чтобы, все это творчески перерабатывая, создавать новые оригинальные своеобразные номера.

Разве не важно и не интересно было бы, чтобы и у нас на Родине и за границей мог бы выступать коллектив русского цирка во всем своеобразии и разнообразии своих номеров? Разве такой коллектив не внес бы свой полезный вклад в общее дело развития советского и мирового цирка, расширяя границы циркового искусства?

Задача создания такого коллектива сейчас вполне по силам нашим артистам, режиссерам, цирковым деятелям. И кто знает, может быть, коллектив русского цирка вдохновил бы другие страны и народы, также имеющие свои добрые цирковые традиции, на создание своих национальных цирков.

Ю. ДМИТРИЕВ,

профессор, доктор искусствоведческих наук.